

он успел даже произнести речь на общем собрании коллектива: «...прошу вас только отнестись ко мне товарищески, с возможной искренностью и дружеским расположением...»²⁴. Последний раз в Большом театре его слышали 24 мая 1933 года, в юбилейном спектакле по случаю 35-летия карьеры (финал «Лоэнгрина», 4–5 картины «Онегина»), накануне отъезда за границу — Правительство оплатило лечение в Германии...

Как это часто бывало и прежде, наилучшие слова для некролога Собинов подобрал сам, в статье памяти А. В. Луначарского (1933): «...так тяжело теперь думать, что перестало биться это благородное сердце, что не звучит больше этот бархатный голос, который умел повышаться до пафоса, и не разольется красками строго логическая речь»²⁵. Словно возвратил покойному сказанное тем десятью годами раньше: «Я от души желаю,

чтобы эта победа над временем, которая заставляет нас и сейчас невольно расценивать Собинова как молодого человека, ну, не больше тридцати пяти лет (он производит при близких сношениях с ним полнейшую иллюзию именно этого возраста), чтобы эта победа над временем продлилась как можно дольше, сохраняя России один из прелестнейших ее вокальных талантов» [4, с. 6]. Вместо заключения припомним еще одну цитату, фрагмент собиновского слова в память А. П. Чехова, произнесенного на вечере к 50-летию писателя 14 января 1910 года, не утративший силы и поныне: «А в минуты горестных сомнений и душевных тревог — искать в лучезарной и светлой памяти поэта ответа на мучительный вопрос — когда же, наконец, осуществится заветная мечта его и русская действительность отдохнет от кошмаров последних лет»²⁶.

Литература

1. Андровская О. Н. Исповедь актрисы. Дневники, письма, воспоминания / Сост. С. Н. Баталова, В. А. Халиф. М.: АСТ-Пресс Книга, 2006. 395 с.
2. Андроников И. Л. Горло Шаляпина // И. Л. Андроников. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1975. С. 38–43.
3. Леонид Витальевич Собинов: В 2 т. Т. 2. Статьи, речи, высказывания. Письма к Л. В. Собинову. Воспоминания о Л. В. Собинове / Сост. К. Н. Кирилленко. М.: Искусство, 1970. 551 с.
4. Луначарский А. В. Несколько слов о Л. В. Собинове // Леонид Витальевич Собинов (1898–1923) / Под ред. В. И. Немировича-Данченко. М.: Госиздат, 1923. С. 3–6.
5. Теляковский В. А. Дневники Директора Императорских театров. 1913–1917. Санкт-Петербург / Под общ. ред. М. Г. Светаевой. Подг. текста М. В. Львовой и М. В. Хализевой. М.: АРТ, 2017. 944 с.

Anastasia LYAPUNOVA Short stories

The first publication of two short stories by Anastasia Lyapunova (1903–1973), famous Russian musicologist, textologist and daughter of S. M. Lyapunov. They were written in the 1920s and are part of the literary heritage of A. S. Lyapunova. Now they are stored in the Department of Manuscripts of the National Library of Russia.

Keywords: A. S. Lyapunova, S. M. Lyapunov, F. Chopin, the National Library of Russia, the Leningrad Conservatory, short story.

Анастасия ЛЯПУНОВА Рассказы

Первая публикация двух рассказов Анастасии Сергеевны Ляпуновой (1903–1973) — известного отечественного музыковеда, текстолога, дочери С. М. Ляпунова. Рассказы написаны в 1920-е годы и являются частью литературного наследия А. С. Ляпуновой, хранящегося ныне в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

Ключевые слова: А. С. Ляпунова, С. М. Ляпунов, Ф. Шопен, Российская национальная библиотека, Ленинградская консерватория, рассказ.

Автор публикуемых рассказов — известный музыковед-текстолог, исследователь рукописного наследия отечественных композиторов Анастасия Сергеевна Ляпунова. Ее профессиональная и научная деятельность оказалась тесно связана с двумя учреждениями

²⁴ Собинов Л. В. Речь на общем собрании работников театра имени К. С. Станиславского [3, с. 70].

²⁵ Собинов Л. В. Мои встречи с А. В. Луначарским [3, с. 67].

²⁶ Собинов Л. В. О Чехове [3, с. 31].

Ленинграда. Еще во время обучения в аспирантуре Ляпунова начала работать в библиотеке Ленинградской консерватории, а в 1938 году стала первой заведующей только что созданного подразделения библиотеки — Рукописного отдела. В 1940 году Анастасия Сергеевна была приглашена в Государственную публичную библиотеку (ныне Российская национальная библиотека), где проработала хранителем музыкальных фондов в Отделе рукописей более 20 лет.

Однако до погружения в мир музыкальных манускриптов Ляпунова пробовала себя совсем в другой роли — роли писательницы. Перу Анастасии Сергеевны принадлежит ряд рассказов, написанных еще в студенческие годы, когда она училась в классе арфы и в классе фортепиано консерватории: автографы этих сочинений ныне хранятся в Российской национальной библиотеке (ОР РНБ. Ф. 1141. Ляпунова А. С. № 206). Поступив в 1927 году на научно-музыкальное отделение консерватории, Ляпунова стала обдумывать большой роман-трилогию, даже начала над ним работать. Сохранились записи отдельных фрагментов романа, характеристики некоторых героев. Но произведение так и осталось незавершенным.

Среди законченных рассказов Ляпуновой — сказок, повествований в духе тургеневской прозы — особое внимание привлекают две миниатюры, ярко и образно отразившие дух первых послереволюционных лет. За, казалось бы, романтическим и музыкальным названием первого рассказа — «Вальс Шопена» — кроется трагедия человека, попавшего в одиночную тюремную камеру. Основная тема повествования — переживания, внутренний монолог заключенного. И как мажорное *trio* в минорных вальсах врывается в этот монолог прошлое: герой вспоминает «счастливые времена», перед его мысленным взором возникает прекрасная девушка, исполняющая «за роялью» знаменитый вальс *cis-moll* Ф. Шопена. Музыка становится олицетворением воли, свободы, олицетворением самой жизни — в противоположность мертвенности каменной «кельи». А, возможно, здесь кроется и еще одно сопоставление — живого прошлого и «могильного» настоящего?..

Тема эта возникла в жизни Анастасии Сергеевны не случайно. В 1922 году семья Ляпуновых пережила большое потрясение: глава семейства, известный композитор С. М. Ляпунов, который был не только профессором консерватории, но и ктиторм (старостой) консерваторской церкви, оказался привлечен к суду по печально известному делу петроградских церковников. Сергей Михайлович «отделался» довольно легко, получив полгода условно. Однако по делу было приведено в исполнение четыре смертных приговора. Кроме того, во время одного из заседаний попала в облаву и была арестована сестра Анастасии — Людмила. Вся эта история, конечно, сказалась на здоровье С. М. Ляпунова: через год после суда он уехал на гастроли за границу, а в 1924 году его не стало... Вероятно, переживания, вся обстановка тех лет (возможно, что и некая конкретная ситуация, случившаяся с кем-то из знакомых или близких Ляпуновым людей) и послужили поводом к размышлениям, воплотившимся в рассказе.

Второй рассказ — «Разговор бедного черта с самим собою». Это шуточная миниатюра, в которой в духе народных смеховых пародий, выворачивающих мир «наизнанку», Ляпунова обрисовывает современную ей действительность. Объект ее пародии не просто подразумевается — в конце рассказа она его выводит из подтекста: «Разбойники, а не люди, прямо большевики — одно слово». Юная студентка консерватории, выросшая в дворянской семье, в «старом добром мире», так в те годы до конца и не смогла принять реалии новой жизни...

Chopin's Waltz Вальс Шопена¹

Семь шагов в длину, четыре в ширину... Гладко выбеленные стены, окно под потолком за железной решеткой, нижняя его половина замазана мелом; под ним квадратный стол, табуретка; в углу железная кровать с узким тюфяком и сплюсненной, как блин, подушкой; на

против — дверь с окошечком, в которое время от времени заглядывает испытующий глаз...

Гробовая тишина... Лишь мерные шаги часового по коридору и побрякивание его винтовки...

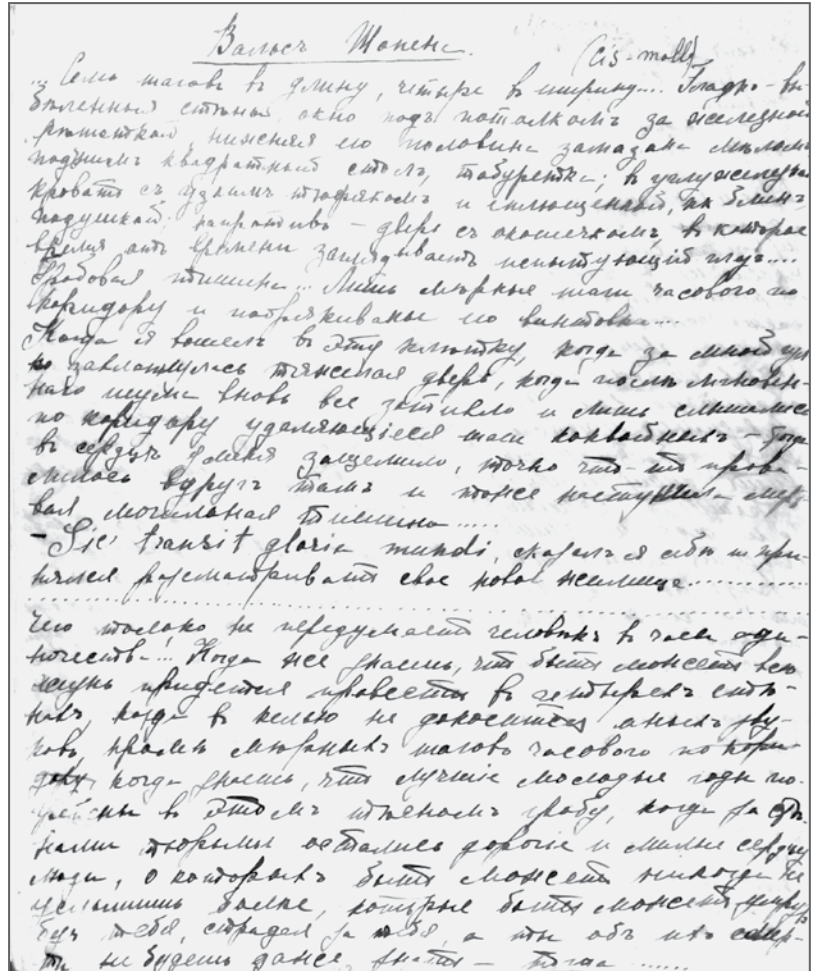
Когда я вошел в эту клетку, когда за мной гулко хлопнулась тяжелая дверь, когда после мгновенного шума вновь все затихло и лишь слышались по коридору удаляющиеся шаги конвойных — тогда в сердце у меня

¹ Ф. 1141. Ляпунова А. С. № 206. Лл. 113–114 об. Справа от заглавия приписка в скобках: «cis-moll».

Ляпунова Анастасия Сергеевна. 1950-е годы

Первая страница рассказа
«Вальс Шопена».
ОР РНБ. Ф. 1141. № 206. Л. 113

защемило, точно что-то провалилось вдруг там и тоже наступила мертвая могильная тишина...

— Sic transit Gloria mundi², — сказал я себе и принялся рассматривать свое новое жилище...

Что только не передумает человек в часы одиночества!.. Когда же знаешь, что, быть может, всю жизнь придется провести в четырех стенах, когда в келью не доносится иных звуков, кроме мерных шагов часового, когда знаешь, что лучшие молодые годы погребены в этом тесном гробу, когда за стенами тюрьмы остались дорогие и милые сердцу люди, о которых, быть может, никогда не услышишь более, которые, быть может, умрут без тебя, страдая за тебя, а ты об их смерти не будешь даже знать — тогда...

Нет! Лучше не говорить о том, что может испытывать человек в эти минуты! Можно и сойти с ума, и поседеть от горя! Кто сам испытал — тот поймет. Нет худшей пытки, чем одиночное заключение.

Боже! Время тянется, тянется, как длинный червь, такое же отвратительное, серое, однообразное пресмыкающееся... То ходишь взад и вперед по камере — 7 ша-

гов в длину, 4 в ширину, — то сидишь на кровати, устремив взор на крошечный клочок неба, виднеющийся в узком оконце.

А ночи!.. Боже мой, какие ужасные ночи переживает человек, сидящий в одиночке!.. Если спишь — грудь давят невыносимые кошмары, задыхаешься, кричишь во сне... Просыпаешься облитый холодным потом, переживая невыразимые ужасы. Пройдет пять минут — вновь забываешься сном, вновь начинает давить душу и грудь все тот же мучительный страшный кошмар... И так всю ночь...

Если же не спишь, едва ли не хуже. В голову лезут самые тяжелые тоскливые мысли...

— Ведь ты умер, умер, — твердишь себе, — так и молчи. Чего тебе еще, несчастный труп? Ведь ты похоронен, ведь ты не живой... Молчи, молчи, умри...

Но так хочется жить, такая безумная тоска по жизни овладевает душою, что бегаешь взад и вперед как бешеный зверь, чуть не колотясь головой о стену!.. И в эти минуты, в приливах тоски по жизни — можно покончить с собой, если б только была возможность сделать это.

Днем мое единственное развлечение заключалось в том, чтобы смотреть на небо. Если оно было голубое,

² «Так проходит мирская слава» (лат.)

ясное — я радовался; если же затянуто облаками — на душе становилось еще безотраднее.

Странно! Чего только не придет в голову человеку, когда он сидит в одиночке! Тут пронесются отрывки мыслей, фраз, когда-то, кем-то сказанных, стихи, разговоры, слышанные где-нибудь, отрывки песен, романсов, иногда целые музыкальные вещицы. Откуда они берутся? Все выглядывает точно со дна души, вспоминается забытое, случившееся давным-давно, пронесятся лица, иногда совсем незнакомые, иногда такие близкие, родные, милые, что хочется встать и обнять их... Все принимает яркую живую окраску, точно это происходит здесь, вот в этой холодной тесной келье. Сидишь, сидишь — и медленно проходит день, медленно-медленно темнеет небо, наступают сумерки и их голубой свет проникает в узкое оконце.

И вот однажды, когда я сидел так в сумерках и смотрел на край темневшего неба, вдруг мне вспомнился Шопеновский вальс, слышанный мною в давно прошедшие счастливые времена, вспомнился так ясно, отчетливо, точно кто-то его заиграл за дверью. Нежные грустные звуки росли, перегонялись³ и таяли в голубых сумерках. Каждая нота тоской отдавалась в моем сердце и дрожала в нем, напоминая о чем-то милом, милом, далеком, давно прошедшем, но не забытом, а лишь спрятанном глубоко в сердце, чтоб не растревлять незажившую рану.

И я вспомнил...

Вспомнил я другие сумерки... В растворенное окно лился свежий воздух, к которому примешивалось чуть слышное дыхание весны... Как хорошо, как нежно и грустно и вместе с тем радостно было на душе! Звуки Шопеновского вальса, звенящие и чистые, росли, перегонялись и таяли в голубых сумерках. Что-то грустное, грустное заключалось в них, и вместе с тем такое тонкое, неуловимое, что это трудно было определить... Это был какой-то звенящий смех сквозь слезы... Хотелось слушать, слушать без конца... Казалось, что если они замолкнут, уйдет что-то радостное, хорошее, идущее навстречу из окна вместе с молодым весенним свежим воздухом...

Я видел склоненную над роялью темноволосую головку, руки быстро бегали по клавишам, лицо скрывалось в голубом свете, а белое платье выступало на фоне его светлым пятном. Я глядел, глядел на нее и не мог оторваться.

Все в ней казалось таким же нежным, чистым, молодым, как этот молодой весенний воздух, как эти звенящие грустные ноты.

В ней было все мое счастье, вся моя любовь, все надежды!.. И мне казалось, что в этот краткий миг в этих голубых сумерках, при звуках Шопеновского вальса душа моя переживает свои лучшие счастливейшие минуты. И от этого было и больно, и сладко...

Последний аккорд замер в воздухе. Все стихло... Гуще спустились тени... Она повернула ко мне свое лицо, и в голубом свете оно казалось бледным-бледным... Последние ноты звенели у меня в ушах, наполняя сердце грустной и сладкой мелодией. Хотелось сказать что-то, а слов не было... Мы оба молчали... Она встала и подошла к окну... Воздух стал свежее, из сада запахло сыростью, на небе незаметно одна за другой зажигались звезды...

Мы долго стояли рядом, близко-близко, так что руки наши почти что касались. Я видел темные грустные глаза, в которых отражалось далекое небо с мерцающими звездами, в которых отражалась душа, чистая и невинная, как это бледное весеннее небо — и глаза эти смотрели на меня с такой ясной и тихой любовью, что я не мог оторвать своего взора от них, не мог налюбоваться на это юное, милое лицо, бледным пятном выделявшееся из окружающих теней... Царило молчанье... К чему слова? И так все было ясно и понятно...

А на нас тихо надвигалась из сада весенняя голубая ночь...

Все это я вспомнил и пережил вновь...

Вдруг оборвался мотив — я забыл его. Рядом исчезло все, я остался один в мрачной холодной келье... И тут только, с поражающей ясностью, как никогда, понял я, что ушло мое счастье, погибло навеки, что все может быть возвратимо, но не молодость, не эти счастливые минуты, пережитые мною в голубых весенних сумерках под звуки Шопеновского вальса. Понял — и впервые залился безудержными, беззвучными слезами...

Conversation of the poor devil with himself

Разговор бедного черта с самим собою⁴

Бедный черт вылез из преисподней на свет Божий и пригорюнился. Тяжко ему жилось. Он был худой-худой, облезлый, с тоненькими рожками, хвостиком на веревочке, и маленькой, маленькой кисточкой на конце его; одно копытце было сорвано и болталось на клочке кожи, все ребра проступали наружу и цвет его был не черный, какой-то грязно-серый.

— Эх, жизнь треклятая! — вздохнул он и поглядел кругом себя.

Солнце садилось, дул легкий ветерок; по дороге, побрякивая колокольчиками, медленно брело стадо; с дуревни доносились голоса...

— Вот благодать-то где, — продолжал черт, — не то, что у нас в аду: жара, толкотня, крик, писк, визг, чертенята под ногами вертятся — тьфу!.. Только и смотри, чтоб хвост тебе как-нибудь не отдавили, да и то не убежишь: вот и без копыт остался. Вон такая стоит

³ Перегоняться (устар.) — бегать наперегонки (примеч. публикатора).

⁴ Ф. 1141. Ляпунова А. С. № 206. Лл. 131–133 об.

от этих грешников жареных, что дышать нечем... Помещенице незавидное!..

То ли дело здесь — простор, тишина, воздух, как кристалл, колокольчики тихонько брякают, коровки мычат — идиллия, да и только! Выстроил бы себе избушечку здесь, да и жил бы тихонько — никого не трогал...

Черт погрузился в мечтанья и на время смолк. Потом почесал лапкой за ухом и два раза тяжело вздохнул.

— Мечтай, друг, мечтай!.. Все равно этому не бывать — такая уж наша доля чертовская!.. Замотали нас! Человек на шею сел черту!.. И как это случилось?.. Никто не заметил, и опомниться не успел, как запрягли нас в лямку... О-хо-хо!..

Раньше так это хорошо было... Вот облюбуешь себе грешника какого-нибудь и давай увиваться около него: всякие там гадости ему на ухо нашептываешь, учишь его, как другим козни строить — ну за то он один только тобою и чертыхается, — да и то нечасто...

Раздольице было! Жили себе припеваючи и в ус не дули... Поторчишь малость возле него, потом вернешься домой, да вместе с другими чертями затеешь пирушку — до утра... Так и шло... Дел мало, и повеселиться, и отдохнуть было времечко... На земле люди сущие ангелы были: уж не то, что грешить, а и имя-то чертово не поминалось никогда.

Теперь... Да что это такое? Люди хуже чертей стали... Поди-ка научи чему-нибудь человека — куда! — он тебе тут такую штуку закатит, что только рот разинешь! Тут тебе и революция, и спекуляция, и электрификация, и Господи Боже ты мой, чего они только не вытворяют!.. Чертенята-то у нас все поиспортились, глядя на них!.. А уж чертыхаться! — черт в отчаянии замотал головой, — уж, кажется, никогда так не чертыхались!.. Прямо казнь египетская наслана на нас... Рвешься, рвешься — сюда — черт, туда — черт! — летишь, сломя голову, только успевай!

Всякую-то дрянь к нам в преисподнюю отсылают — толчея такая, что не продерешься, а на земле только и слышно: убирайся к черту, лети к черту! Как будто черт для того только и существует. Кулички наши понапишаны так, что дышать нельзя... А им и того мало: на нос к нам сажать стали... Что уж это? Помилуйте! Ведь прямо разбой! Кулички куличками — а нос-то наш причем? Ведь прямо точно свалка у нас: валят, валят, не переставая, а коли места не хватает, так черт свой нос подставляй — изволь-ка! Нашли место! Тьфу ты, гадость какая!.. И пожаловаться-то ведь некому. Шутки в сторону — ведь до такого нахальства еще никто не доходил — человеком быть надо!.. Тоже удобство нашли: у черта на носу! Да что мы — лошади, что ли? Покатать не прикажете ли?.. А вы попробуйте-ка друг дружке сесть на нос — небось не сладко покажется!.. А черту можно? Черт все стерпит — на то он и черт! Да, небось устроились, сели на нас, погоняют, все изволь им делать, все изволь знать, чуть что — все на черта сваливается. Требования такие

теперь к черту предъявляются, что черт должен чуть ли ни все учебные заведения в мире кончить, а не то только под чертком будешь. Чертенята наши по пятнадцать лет за учением проводят, а все ни к чему... Почему? Да потому, что что ни случись — сейчас: черт знает... Пожалуйте! Да откуда же черту знать? Что он, энциклопедический словарь, что ли?.. А то еще из-за пустяков привяжутся: книгу потерял — черт знает, где она, черт беги, ищи книгу; номер телефона забыл — черт разыскивай телефон — и все-то так, все-то так... Черт знает, черт знает, а у черта уже голова распухла...

Черт даже заскулил слегка, вроде как маленький слепой щенок: очень уж было тоскливо.

— Места живого на нас не оставили: чуть что потрудней — черт иди ломай там ногу! Да что, легче им что ли от нашего калечения! Добро бы помогало... А то: напутает гимназист в своей задаче — у одного черта какого-нибудь нога из-за этого сломана.

Думаете приятно? Уж у нас стреляться стали с отчаяния, маленькие чертенята в идиотизм впадают от ужаса... Все больницы, все богадельни переполнены — деться некуда бедным чертям!

Черт утер слезы кончиком хвоста.

— И что это за жизнь, что за жизнь! Ругают тебя, бьют тебя, обращаются с тобой, как с самой последней собакой! Будь ты тут хоть черт-расчертище, а какой-нибудь хулиган уличный тебя будет гонять, как щенка, да еще полосатым обзовет... Никакого уважения к чертовской особе нет. Всю родню твою расчешут; мать, тетку, старую бабушку и ту на свет вытащат... Помилуйте!.. Старуха больная, слабая, с ревматизмом, ходит с клюкой, на ладан дышит... На это жалости-то никакой нет у людей! Ведь не понимают прямо, что делают!.. После такой истории ведь она и подохнуть может, — что вы думаете? Уж был такой случай — так и очоурилась старая чертовка...

О-хо-хо! Все мы подохнем, все-то подохнем ни за что, ни про что! Ох, жизнь наша тяжкая!

Кончик хвоста болит, когда о чертенятах своих думаешь... Каково-то им бедным придется? Ведь и сейчас уж терпят, треплют, мучают несчастных прямо с самых пеленок. Порезвиться не дадут, поиграть влать! И так уж несладко живется им — бедность, теснота, побегать негде, игрушек-то нет у них, да и последние-то отнимают. Смешно, право! Сами точно ребята, в куклы играть захотели... Да если так уж хочется — возьми да купи игрушку! Нет, видишь, чертова кукла понадобилась, ее подавай.

Чертенятки орут, плачут, а ты должен отнять у них игрушки, тащить на землю, чтоб там ею же тебе в морду дали. Беда прямо!.. Когда еще потом соберешься новую купить!..

Ни отдыха, ни покоя! Визг, писк, толкотня!

Прибежишь домой, усталый как собака, голодный, замученный.

Вот, думаешь, сяду сейчас пообедать, отдохну немножко, с семьей побуду... Не тут-то было! Вы думаете,

дадут черту спокойно пообедать? Как же! Только сядешь за стол — хват! перечница улетела! Благодарю покорно! Не угодно ли кушать без перцу? Черт без перца, что лошадь без хвоста... Тьфу!.. Плунешь только с тоски, все нутро замутит, и тут еще пожелает кто-нибудь: чтоб тебя черти съели! — и вот мчись, ешь там всякую дрянь, с другими чертями толкайся, да смотри, как они у тебя из-под носа лучшие куски вырывают...

Вот и пообедал в семейном кругу!..

А то еще лучше: пожелают тебе с маслом скушать, а где его прикажете взять, масло-то? Вот и расплавивайся из своего кармана, у семьи урывай кусок, чтоб купить масло да съесть с ним какого-нибудь дурака... Тьфу!.. Внутренности выворачиваются, как только подумаешь об этом... С маслом!.. Точно в насмешку выдумали: с маслом! Попробуйте лягушку с маслом — вкусно? А черту ничего не делается — лопай, что ни подсунут и с маслом, и без масла!

Произвол, прямо произвол! Разбойники, а не люди, прямо большевики — одно слово! Чтобы раньше это за-

ставили тебя есть всяких прохвостов — да никогда! Уж в еду-то нашу никто не мешался.

Пообедаешь себе спокойно — сядешь потом в кресло, закуришь трубку... Чертенята тут у ног возятся — тихо, мирно, хорошо...!

А теперь!.. На земле день и ночь копать летит от куренья, уж своего-то табаку мало стало, все за чертову трубку, за чертов табак хватаются! Только начнешь курить — все у тебя из рук вылетает...

Минутки, буквально минутки нет спокойной! Во все-то уголки твоей жизни пролезут, все у тебя отнимут, никого в покое не оставят, а самого-то на части разорвать готовы... Все тело болит, пальцы повывихнуты, ноги посломаны, — ложись, да помирай!

И черт опять заскулил тоненьким голоском.

— Судьба — индейка, а жизнь — копейка, — сказал он и полез в преисподнюю.

19 (6) января 1923 года

Подготовка к публикации, примечания
и предисловие Е. А. Михайловой

Информация для авторов

К печати принимаются ранее не публиковавшиеся материалы. Тексты предоставляются в редакцию в электронном виде (на стандартных цифровых носителях: CD-R, CD-RW, DVD-R, DVD-RW или flash-носителях) с приложением распечатки в 1 экз. (текст печатается с одной стороны листа форматом A4, страницы нумеруются) либо присылаются по электронной почте (musicus_cons@mail.ru). К тексту статьи должны прилагаться аннотация и список ключевых слов на русском и английском языках. Сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы/учебы, ученое звание, должность, телефон, адрес электронной почты — предоставляются на русском и английском языках. Публикация рукописей аспирантов осуществляется бесплатно.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА

Объем статей не должен превышать 0,5–0,7 п.л. (20000–28000 знаков) в редакторе Microsoft Word. Текст не форматируется, то есть не имеет табуляций, колонок и т. д. **Кегль** в основном тексте — 12, в сносках — 10. **Межстрочный интервал** — полуторный. **Абзацы** отмечаются отступом в 1 см (но не с помощью табуляции или пробелов), интервал между абзацами — обычный. **Шрифтовые выделения** — курсив, жирный, жирный курсив. **Кавычки** — типографские «», внутри цитат — обычные, „“. **Нотные примеры** — в формате *.mus, набранные в нотном редакторе Finale, или *.tif. Нумерация примеров внутри статьи — сквозная. В тексте ссылка на нотный пример выделяется курсивом в круглых скобках: (Пример 5).

Сноски — постраничные. **Список литературы** нумеруется, составляется в алфавитном порядке и дается в конце статьи. **Ссылки** на литературу в тексте отмечаются цифрами в квадратных скобках по образцу: [1, с. 29]. **Сокращения** должны быть расшифрованы и поданы отдельным списком в конце статьи. **Иллюстрации** (фотографии) и нотные примеры формата *.tif принимаются на стандартных цифровых носителях (CD-R, CD-RW, DVD-R, DVD-RW или flash-носителях); разрешение 600 точек на дюйм (сканировать необходимо в натуральную величину). Следует указать: автора, название публикации, порядковый номер фотографии/рисунка. В перечне иллюстраций / нотных примеров следует указать: автора, название публикации, порядковый номер фотографии/рисунка/примера.